

Сладкая Арман

**Бабки-сводницы
или любовь по сценарию**

УДК 7.04
ББК 85
А83

Арман С.

А83 Бабки-сводницы или любовь по сценарию / Сладкая Арман. – М.: Литнет, 2026. – 170 с.

ISBN 978-5-521-99501-1

Две подружки-бабульки бьют тревогу. У одной внучка – скромный ангел в белом халате, который верит в любовь, но не верит в себя. У второй внук – успешный циник в чёрном костюме, который погружен в бизнес и видит только цифры. Эти миры никогда бы не пересеклись... если бы не гениальный план. «Сердечный приступ» понарошку, срочный вызов сиделки – идеальная декорация для знакомства.

Они просчитали всё: его раздражение, её обиду, вынужденное соседство под одной крышей. Они надеялись на конфликт, на искру, на страсть. Ведь от ненависти до любви – один шаг. И когда чувства станут настоящими, остановить сценарий будет уже невозможно, а блестящая авантюра бабок обернется счастливым финалом.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99501-1

© Литнет, 2026

© Арман С., 2026

Пролог

В уютной гостиной, пахнувшей ванильным печеньем и геранью на подоконнике, царило напряжение, достойное военного штаба перед решающим наступлением.

– Он опять заказал ужин в ресторан на одного! На одного, Валя! – Клавдия Петровна Вольнова, несмотря на свои семьдесят с хвостиком, потрясала смартфоном так энергично, что серьги позванивали. – В двадцать семь лет! У него должно быть все: мигрень от недосыпа, легкая паника при виде положительного теста и истерика его девушки из-за того, что он забыл про годовщину! А что у меня? У меня есть приложение доставки, которое сообщает, что Марк Игоревич заказал лосося на гриле с киноа. Снова.

Валентина Сергеевна Светлова осторожно потягивала чай из тонкой фарфоровой чашки, доставшейся ей еще от матери. Ее волновали куда более приземленные вещи.

– Моя Анечка вчера в девять вечера уснула, сидя над учебником по анатомии. Прямо в халате, – вздохнула она. – Руки в мозолях от перчаток, под глазами синяки. Красивая девушка! Умница! А когда ей в последний раз цветы дарили? Правильно, на выпускном в медучилище. От девочек из группы.

Две пары глаз – одна, подведенная еще со времен сцены (Клавдия Петровна тридцать лет отыграла в провинциальном театре), и другая, добрая и усталая (Валентина Сергеевна проработала всю жизнь школьным библиотекарем) – встретились. В воздухе запахло не просто геранью, а самой настоящей интригой.

– Он помешан на контроле, – заговорщицки понизила голос Клавдия Петровна. – Доверяет только цифрам, графикам и железным контрактам. После той... стервы, – она с презрением выдохнула слово, – которая обобрала его на старте, он считает, что все чувства – это вычисляемые риски. Надо сломать систему.

– Она слишком добрая, – покачала головой Валентина Сергеевна. – Всех пожалеет, всем поможет. А про себя забывает. Считает, что роскошь – это не про нее. Скромница. Ей нужен кто-то... сильный. Кто разглядит за этой скромностью жар. И защитит ее от всего мира, особенно от нее самой.

На столе между ними стояло скромное, но символичное угощение: пряничные человечки испеченные Валентиной Сергеевной, и дорогой коньяк, нежно извлеченный Клавдией Петровной из тайного места. Рядом лежал блокнот с заголовком «Садовая, 10» и составленным от руки расписанием дежурств ее внучки-медсестры.

– Ты уверена, что он приедет? Если заподозрит манипуляцию... – забеспокоилась Валентина Сергеевна.

– О, милая! – Клавдия Петровна эффектно приложила руку с холеными ногтями к груди. – Мой монстр внук игнорирует мои просьбы о чаепитиях. Но он никогда не игнорирует потенциальные угрозы моему здоровью. Если я слабым голосом сообщу, что мне плохо, и я наняла сиделку... Он примчится. Чтобы построить всех по струнке. Это его любимое.

– А Аня... Она не откажет, если попросишь ты. Особенно если ты... заплачешь.

– Плач Станиславского в исполнении Вольновой, – с легкой гордостью кивнула Клавдия Петровна. – Готова. А твоя задача – убедить ее, что это необходимо. Ради меня. Ради нашей старой дружбы.

Она протянула руку через стол. Ее пальцы, унизанные памятьными кольцами, сомкнулись вокруг морщинистой, теплой ладони подруги.

– Итак, Валентина, мы заключаем союз? – в ее глазах вспыхнул озорной, юношеский огонек. – Цель: вырвать наших бесхребетных трудоголиков из одиночества и бросить в объятия друг друга. Методы: любые. Главное правило: они ни о чем не должны догадаться. Пока не станет слишком поздно.

Валентина Сергеевна вздохнула, но в уголках ее глаз собрались лучики смешинок. Она крепко пожала протянутую руку.

– Заключаем. Ради их же счастья. Надеюсь, они потом спасибо скажут.

– Они будут счастливы, – уверенно заявила Клавдия Петровна, наливая по капельке коньяка в чашки с недопитым чаем. – А если нет... Ну, мы хоть попробуем. За успех операции?

– За успех, – прошептала Валентина Сергеевна, чокнувшись.

Они выпили. Коньяк обжег горло, но внутри разлилось приятное, бунтарское тепло. Две бабушки, две союзницы.

Глава 1

Анна

Запах больницы – это навязчивая смесь антисептика и безнадёги. Он въедается в кожу, в волосы, под ногти. Сколько ни мой руки, этот запах остаётся, напоминая, что восьмичасовой смены мало. Что где-то хрипит в палате Василий Иванович, которому снова стало хуже, а его дочь приедет только завтра. Что у кабинета № 214 уже стоит очередь, и в глазах у людей – немой вопрос: «Доктор, а жить буду?». А я не доктор. Я всего лишь медсестра Анна Светлова, но почему-то этот вопрос читают и на мне.

Мой телефон завибрировал в кармане халата в тот момент, когда я выписывала очередное направление, стараясь, чтобы почерк не превратился в криптограмму. «Бабушка». У меня сжалось все внутри. Бабушка звонила редко и только по делу. Обычно это значило, что что-то случилось с Сашкой, моим младшим братом. Я судорожно смахнула вызов, прижала трубку к уху.

– Анечка, солнышко, ты не занята? – голос у нее был необычный, сдавленный, будто она плакала или очень старалась этого не делать.

– Баб, все в порядке? Сашка?

– С Сашкой все хорошо, учится. Это... это у Клавдии Петровны беда.

Клавдия Петровна. Ее подруга с юности, эдакая боевая старушка в бижутерии и с неизменной гордой осанкой. Жила одна в центре, в элитной квартире.

– Что случилось?

– Микроинфаркт, – бабушка выдохнула в трубку слово, от которого похолодела спина. – Вчера скорую вызывали, сегодня выписали. Домой. Она одна, понимаешь? Совсем одна. Родственник только один, внук какой-то, деловой, он с ней не живет, да еще и постоянно

в разъездах. Сиделку нанять нужно, срочно. Но ты же знаешь, она человек гордый, чужих не любит...

Я уже видела, к чему дело клонит. Усталость накатила тяжелой волной.

– Бабушка, у меня две работы. И Сашке ужин приготовить надо, и...

– Анечка, она умоляла, – голос бабушки дрогнул по-настоящему. – Она сказала: «Валя, только твоя Анна. Она добрая, у нее руки золотые, я чужую не вынесу». Она плакала, понимаешь? Плакала.

Я зажмурилась. Перед глазами поплыли круги от флуоресцентных ламп. Стояла очередь. Пахло хлоркой. А где-то там, одна, плакала старая женщина после инфаркта. И звала меня. Мою бабушку, а значит, и меня.

– Я... я не могу быть там круглосуточно. Только на несколько часов в день.

– Конечно, конечно, солнышко! Она согласна на все условия! Ты же не откажешь? Ты же моя умничка, самая отзывчивая.

Отзывчивая. Проклятие и благословение в одном флаконе. Я еще раз взглянула на очередь у кабинета, на часы.

– Ладно. Адрес скажи. Заеду завтра, после дневной смены. Но, баб, только на осмотр и на первые дни. Пока не найдем кого-то постоянного.

Она прошептала благодарности, адрес, и в ее голосе появились прежние, живые нотки. Я положила телефон в карман, ощущая странную тяжесть на плечах. Не просто усталость. Предчувствие. Вечером, когда я разогревала для Сашки макароны, он, уткнувшись в учебник, спросил.

– Ты утром опять куда-то? У тебя же вроде выходной.

– Бабушкиной подруге помогать надо. Она заболела.

– Она заплатит? – Сашка поднял на меня серьезный взгляд. В свои шестнадцать он считал каждую копейку чаще, чем я.

– Надеюсь. Но не в этом дело.

– Все в этом дело, – буркнул он. – Тебя все используют, Анка. Потому что ты не можешь сказать «нет».

Он был прав. Но сказать «нет» плачущей в трубку бабушке и ее одинокой, больной подруге – это было выше моих сил. Я погладила его по стриженным вихрам.

– Съешь и садись уроки делать. Про «использование» я сама все знаю.

Перед сном я стояла под душем, пытаюсь смыть с себя этот день. Вода была горячей, почти обжигающей. Я думала о Клавдии Петровне. Об инфаркте. О том, какой страх должно испытывать, когда твое сердце, эта неутомимая мышца, вдруг предает тебя. Мои руки знали, что делать в таких случаях. Руки не подводили. В отличие от всего остального в жизни. Завтра. Завтра я заеду, осмотрю, успокою. Сделаю все, что в моих силах. А потом вернусь в свою реальность: к счетам, к Сашке, к больнице, где запах безнадеги – мой основной парфюм.

Я тогда еще не знала, что этот звонок бабушки выдернет меня из одной колеи и бросит под колеса совсем другой жизни. Где будет пахнуть не хлоркой, а дорогим деревом и холодным высокомерием. И где мое отзывчивое сердце окажется под прицелом.

Глава 2

Марк

Закрыть сделку – все равно что сделать верный шахматный ход. Не просто поставить мат, а сделать это так, чтобы противник сам протянул руку для рукопожатия, с горькой улыбкой признавая твое превосходство. Именно это чувство – сладкое, абсолютное – я испытал, когда глава сети «Асклепий» поставил свою размашистую подпись под последним приложением к договору.

– Вольнов, вы – гений и беспринципный эксплуататор. Мои акционеры вас возненавидят, а финансовый директор, наверное, плачет сейчас в своем кабинете, – сказал он, вставая из-за стола переговоров. В его глазах читалось уважение. То, чего я добивался.

– Скажите ему, что слезы – это неликвидность, – сухо парировал я, собирая свой экземпляр договора в кожаную папку. – А стабильная прибыль от оптимизации логистики – актив. Приятно было иметь с вами дело.

Мой мир в этот момент был идеален. Он состоял из цифр в семизначной сумме контракта, из безупречной логики прописанных санкций и бонусов, из гула серверов в моем офисе, где уже ждал следующий проект. В этом мире не было места хаосу, непредсказуемости и глупым, невыгодным чувствам. Только контроль. Только расчет.

Личный телефон завибрировал, нарушая момент триумфа. На экране – «Бабуля». Вызов сбил ритм. Все, что не было запланировано, раздражало. Я отклонил звонок, закончил протокольные рукопожатия, проводил партнеров до лифта. Телефон завибрировал снова. И снова. Третьего звонка подряд от нее не было никогда. Тревога, маленькая и острая, ткнула меня под ребро. Алгоритмы риск-менеджмента мгновенно перестроились: единственный оставшийся

близкий человек, ее возраст, ее самочувствие – это важно. Я взял трубку.

– Маркуша? – голос был не ее. Обычно звонкий, с театральными интонациями, сейчас он звучал тонко, слабо, будто из дальней трубки.

– Бабушка. Что случилось?

– Ох, родной... Не пугайся только. Прихватило меня. Сердечко, – она закашлялась.

– Где ты сейчас? Врач? – Мои пальцы уже стучали по стеклу, выискивая в памяти контакты лучших кардиологов города. Это была задача. Ее нужно было решить.

– В больнице отлежала, уже дома. Все обошлось, говорят, вовремя... – она сделала паузу, и в тишине я услышал, как ей тяжело дышать. – Но, Маркуша, одной-то тяжело теперь. Голова кружится, за собой убраться... Решила сиделку нанять. Тут одна женщина порекомендовала...

– Что?! – мой голос прозвучал резче, чем я планировал. Я увидел в уме объявление: «Сиделка без посредников, без предоплаты», а под ним – десятки лиц, готовых на все за доступ к чужой квартире, лекарствам, деньгам. К моей бабушке. – Это исключено. Я вызову человека из агентства. У них проверенный персонал, полный медконтроль. Завтра же.

– Нет! – ее отказ прозвучал неожиданно твердо. – Не хочу я этих роботов в белых халатах! Они как манекены. У них в глазах – инструкция. Я уже все решила. Девушка одна... Анна. Очень хорошие о ней отзывы. Медсестра. Она завтра приходит.

Я зажмурился, чувствуя, как по вискам начинает стучать. Ее упрямство было легендарным, но сейчас оно граничило с безумием.

– Бабушка, ты не понимаешь...

– Я понимаю, что мне одиноко и страшно! – ее голос снова дрогнул, но теперь в нем была не слабость, а обида. – И я хочу, чтобы рядом был человек, а не обслуживающий персонал. Она... она от Валентины, моей подруги. Ее внучка. Так что почти своя.